

МАКС ЛАНСКИХ

СЛАДКАЯ ПУСТОШЬ

18+

Макс Ланских

Сладкая пустошь

«Автор»

2026

Ланских М.

Сладкая пустошь / М. Ланских — «Автор», 2026

Когда система дает сбой, выживают только те, кто осмелился быть дефектными. В идеальном подземном мегаполисе каждый знает свое место. Стражи защищают периметр от холода пустоши, рабочие без усталости поддерживают систему, а няньки заботятся о будущем поколении в стерильных инкубаторах яслей. Этот вековой порядок кажется незыблемым, пока в город не проникает странная зараза — золотистый нектар чужаков. Всего одна капля этого вещества дарит абсолютное, парализующее счастье. Ради мимолетной эйфории люди добровольно уничтожают собственный мир: стражи бросают посты, рабочие останавливают конвейеры, а из детских боксов бесследно исчезают младенцы. Мегаполис стремительно погружается в безумный, улыбающийся хаос. Внутри книги вас ждут уникальные иллюстрации — карандашная графика с янтарными акцентами нектара.

© Ланских М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сладкая пустошь

Глава 1

Симфония шестеренок

Третий Внешний Кордон оборонного периметра встретил Кайла привычным холодом железобетона. Здесь, на окраине, вентиляция натужно гудела, но воздух всё равно оставался затхлым — пах сухой пылью, оружейной смазкой и озоном от кабелей высокого напряжения.

Этот тяжелый, спертый дух Колонии оседал на языке сухим химическим привкусом. За массивными воротами лежали заброшенные шахты — километры пустых темных туннелей, которые люди заколотили больше века назад.

Кайл стоял у бронированного смотрового окна. На нем была тяжелая экипировка Сектора Защиты: многослойная композитная броня, разгрузочный жилет и автоматическая винтовка на трехточечном ремне. Пластины матового защитного панциря плотно облегали грудь и спину, заходя одна за другую при каждом движении, словно хитиновые сегменты. Автомат Кайл знал до последнего винтика. Он мог вслепую разобрать и собрать оружие за сорок секунд. Это было частью его обязательной рутины, вьевшейся в подкорку. Как тренировки в тире, как утренний осмотр снаряжения или как сверка кодов доступа на терминале. Каждое его действие было доведено до автоматизма как и у сотен таких же, как он, безликих защитников периметра.

В Секторе Защиты всё подчинялось регламенту. Инструкция определяла, во сколько Страж должен проснуться, сколько граммов питательной смеси получить на завтрак, по какому маршруту идти на пост и под каким углом держать ствол оружия на дежурстве. Система не любила импровизаций. Импровизация вела к ошибкам, а ошибки в замкнутом пространстве подземного мегаполиса обходились слишком дорого. Колония жила как единый огромный организм, где благополучие целого всегда стояло выше жизни отдельной единицы.

Сзади послышался глухой стук армейских ботинок. Кайл не обернулся — по тяжелому шагу и характерному поскрипыванию наколенников он узнал Томаса. Томас всегда немного волочил левую ногу, нарушая идеальный ритм шагов.

— Смена кодов через три минуты, — Томас подошел ближе, прислонившись плечом к бетонной опоре, и кивнул на тусклый экран своего планшета. — Во Внутреннем Кольце опять силовой кабель коротит. Строители задерживают ремонт уже на сутки. Капитан просто рвет и мечет.

— Опять? — Кайл слегка повернул голову. — Это уже третий раз за неделю. Строители обычно не срывают графики. У них жесткие нормативы на выработку.

— Машины стареют, — Томас равнодушно пожал плечами и зевнул. — Или сами Строители выгорают. Нам-то что? Наше дело — держать затвор. Если из шахт никто не лезет, значит, день прошел отлично. Главное, чтобы вентиляция качала воздух, а Ясли получали тепло. Остальное — забота Центра.

Кайл ничего не ответил. Он снова посмотрел в окно, за которым в свете единственного дежурного прожектора виднелись рельсы узкоколейки. Они уходили во тьму заброшенного туннеля и обрывались там, где начиналась зона обрушения. Там, за грудой рухнувшего бетона, лежала Пустошь — мифическое ничто, откуда, по заверению воспитателей из Яслей, никто не возвращался.

Конфликт с Системой у Кайла назревал давно, но это был тихий, внутренний бунт. Ему было двадцать четыре года. Всю свою жизнь он видел только эти стены, серые коридоры и одинаковые, словно отштампованные на одном прессе лица сослуживцев. Каждое утро он видел их в зеркале общей умывальной, одинаково хмурых, с одинаково подстриженными затылками,двигающихся синхронно, как по невидимому сигналу.

Его каста — вернее, Сектор охраны — предполагала службу до сорока пяти лет, после чего следовал перевод в административный блок или на легкую интендантскую работу. Никаких вариантов. Никакого выбора. Система запрограммировала его жизнь еще в инкубаторе. Там, в стерильной тишине Яслей, биохимический анализатор выделил его эмбрион из тысяч других, определив идеальные пропорции скелета, плотность костей и скорость синаптических реакций. Его генетический код идеально подходил для ношения тяжелой брони и быстрой реакции на угрозы. Кайл был рожден, чтобы стоять здесь, у шлюза. Рожден, чтобы умереть, если металл дверей не выдержит.

Рация на плече коротко хрипнула, прервав его мысли. Из динамика раздался лающий голос Капитана:— Пост номер Три. Доложить обстановку.

Кайл привычно жажал кнопку связи, не глядя на гарнитуру — палец сам нашел нужный выступ:— Пост Три. Обстановка штатная. Датчики внешнего контура молчат, давление в шлюзе в норме.

— Принято, — отрезал Капитан. — Через десять минут начнем проверку затворов. Будьте готовы к ручной блокировке, если автоматика даст сбой. Конец связи.

Томас выругался сквозь зубы и отбросил планшет на ящик с инструментами:— Опять ручная. Эти задвижки по две тонны весят. У меня с прошлого раза спина болит. Такое чувство, что смазку для этих узлов крадут ещё на складе.

— Шевелись, Томас. Приказ есть приказ, — без иронии бросил Кайл, хотя внутри все сжималось от монотонной тоски. В этот момент он почувствовал себя просто одной из сотен шестеренок, которую Город проворачивает изо дня в день ради собственного выживания.

Они подошли к огромному штурвалу, дублирующему электронные замки шлюза. Металл колеса был холодным и шершавым от старой слоющейся ржавчины. Под завывание сирены они одновременно уперлись ногами в бетонный пол и навалились на рычаг. Кайл на секунду перехватил взгляд Томаса — в глазах напарника не было ни мысли, ни протеста, только тупое, ввевшееся с детства послушание. Это пугало Кайла сильнее, чем холод заброшенных шахт.

Скрежет несмазанных шестеренок отозвался вибрацией в костях. Один оборот. Второй. Третий. Кайл чувствовал, как под панцирем брони натягиваются мышцы, как тяжело и шумно дышит Томас в такт каждому толчку. На четвертом автоматика щелкнула, перехватив засов, и тяжелая стальная плита ворот медленно поползла вниз, намертво отрезая Город от заброшенных шахт. Она опустилась в пазы, выдавив из-под уплотнителей накопленную веками пыль.

Когда сирена смолкла, Кайл тяжело выдохнул, стирая пот со лба тыльной стороной перчатки. Материал маски неприятно лип к коже, а в ушах все еще стоял этот металлический лязг.

— Ладно, я в компрессорную, проверю давление, — Томас поправил ремень винтовки. — Логи надо заполнить до конца часа, иначе Капитан лишит нас личного времени. А я планировал сегодня поспать лишние полчаса, а не зубрить новые правки к Уставу.

— Иди. Я побуду здесь.

Как только напарник скрылся за поворотом, Кайл огляделся — вокруг никого не было. Камеры наблюдения в этом месте не просматривали узкий простенок за массивным распределительным щитом высокого напряжения. Кайл скользнул в эту нишу. Здесь было жарко от работающих трансформаторов и пахло паленой изоляцией. Этот сухой, раскаленный воздух обжигал легкие, но гул силовых агрегатов надежно глушил любые посторонние звуки, создавая иллюзию абсолютного уединения.

Он залез под нагрудную пластину брони и вытащил из внутреннего кармана маленькую плоскую коробочку — списанный инженерный терминал для настройки ремонтных дронов. Кайл тайно выменял его у приятеля из Линии Строителей за три пайка качественного табака. Прибор не был подключен к общей сети, поэтому Центральный Процессор не мог отследить его активность. Устройство было затертым, с трещиной через весь пластиковый корпус, но со своей задачей справлялось безупречно.

Экран моргнул, высветив простое текстовое меню. Кайл быстро набрал комбинацию, активируя скрытую частоту. У неё был короткий радиус действия — поймать сигнал можно, только если ремонтный дрон проползет по вентиляции прямо над его головой. Эти слепые шестиногие машины-чистильщики сновали по всему Городу, выгребая мусор из самых дальних щелей и туннелей, оставаясь невидимыми для большинства жителей. Пальцы Кайла быстро забегали по кнопкам. Он писал коротко, без лишних слов:

«Смена заканчивается в 20:00. Буду в двенадцатой галерее через полчаса после отбоя. Принесу чистую воду из резервуара Сектора Защиты».

Экран погас, терминал перешел в режим ожидания. Минут через сорок дрон-чистильщик из Яслей окажется в этом секторе, автоматически скопирует текст в свой буфер обмена при прохождении сервисной точки, а на базе в четвертом блоке Майя снимет с него сообщение. В мире, лишенном личных писем и тайных встреч, этот неуклюжий робот стал их единственным способом писать друг другу. Это был огромный риск. Если бы Капитана или службу внутренней безопасности заинтересовало, почему Страж проводит время за трансформаторным щитом, Кайла ждал бы трибунал и немедленный перевод в исправительные рабочие отряды на самые нижние, радиационные горизонты. Там, на нижних ярусах, люди изнашивались и гибли за пару лет, превращаясь в отработанный шлак Системы. Но этот риск был единственным, что заставляло его чувствовать себя живым. В мире, где каждый шаг был расписан в инструкции Высшего Совета, у него была своя собственная, никому не известная тайна.

Кайл спрятал терминал обратно под броню, проверил, надежно ли застегнут замок куртки, и вышел из тени щита. Холодный воздух внешнего кольца после жара трансформаторов показался ледяным. Навстречу по коридору уже шел Томас. Но его походка изменилась. Обычно он шагал тяжело, чуть прихрамывая на левую ногу из-за старой травмы, а теперь двигался плавно, почти бесшумно. Кайл на секунду замер: Томас шел так, словно его кости и суставы внезапно стали мягкими, резиновыми, а сама сила тяжести Колонии перестала на него действовать. Винтовка свободно болталась на ремне, руки безжизненно висели вдоль туловища, раскачиваясь в такт этому странному, скользкому шагу. В его силуэте появилось что-то пугающе чуждое, ломающее привычную геометрию человеческого тела.

Кайл нахмурился — напарник забыл надеть защитные перчатки. Его обнаженные кисти выглядели неестественно бледными на фоне темной ткани рукавов, а пальцы мелко и ритмично подрагивали.

— Что с компрессором? — спросил Кайл, вглядываясь в лицо друга. — Логи заполнил?

Томас остановился в двух шагах и медленно поднял голову. Кайл опешил. Томас улыбался. Но это была не привычная дружеская усмешка, а мягкая, блуждающая полуулыбка, которая делала суровое, иссеченное шрамами лицо ветерана чужим. Мышцы были расслаблены до предела, словно лицо превратилось в резиновую маску. Глаза едва приоткрыты, зрачки расширены во весь глаз, несмотря на яркий свет люминесцентных ламп. В этих черных безднах не отражалось ничего, кроме слепого, парализующего блаженства.

— Там все хорошо, Кайл — тихо, непривычно спокойно отозвался Томас. Его голос звучал растянуто, тягуче, будто сквозь сон. — Все очень хорошо. Давление в норме. Нам больше не нужно спешить. Зачем? Зачем вообще куда-то бежать?

Кайл отступил на шаг, ладонь сама легла на рукоять оружия, пальцы привычно нащупали холодный металл спускового крючка:

— Томас, ты в порядке? От тебя странно пахнет. Что это?

В воздухе вокруг напарника действительно появился новый запах. Он пробивался сквозь озон, пороховую гарь и смазку — слабый, приторный аромат перезрелых фруктов, забродившего дикого меда и какой-то удушающей, неестественной сладости. Этот запах был настолько густым, что Кайл физически почувствовал, как во рту у него скопилось вязкая слюна, а в глубине мозга шевельнулось дикое, чуждое желание сделать глубокий вдох и подойти к Томасу ближе.

— Это просто Воздух, — Томас глубоко вдохнул и снова улыбнулся, глядя куда-то сквозь Кайла, в сторону запертых ворот внешнего шлюза. — Настоящий Воздух. Скоро ты сам все поймешь. Всем нам станет хорошо. Система больше не имеет значения.

Томас потянулся рукой к застежкам своей брони, его движения были смазанными, неловкими. Словно тяжелый защитный панцирь вдруг стал для него невыносимой, ненужной тяжестью, от которой хотелось поскорее избавиться.

Кайл хотел расспросить его, схватить за плечи и встряхнуть, чтобы выбить эту жуткую, пустую маску блаженства с его лица, но под потолком снова взвыла сирена, объявляя вечерний пересменок. Коридор заполнился шумом шагов прибывающего взвода. Десятки одинаковых кованых ботинок застучали по полу, возвращая Кайла в суровую реальность. Разговор оборвался, но внутри у Кайла остался липкий, холодный страх. Идеальная система Города дала сбой — прямо на его глазах. И этот сбой пах медом и безумием.

Глава 2

Колыбель будущего

Сектор «Ясли-4» занимал колоссальный подземный зал, вырубленный в скальной породе. Потолок терялся в полумраке, скрытый за массивными переплетениями вентиляционных коробов и силовых кабелей. Вся эта огромная инженерная паутина напоминала многослойный свод, поддерживающий многотонную толщу бетона над головой. Время от времени наверху с тихим шипением срабатывали клапаны, обновляя воздух. Здесь всегда держался один и тот же стерильный климат — комфортное тепло и умеренная влажность. Любое отклонение датчиков Система помечала как чрезвычайное происшествие. Для развивающихся организмов перепад температуры в пару градусов мог стать фатальным.

Майя застегнула молнию на белоснежном комбинезоне и подошла к дезинфекционной камере. За прозрачным стеклом уже выстроились другие сотрудники Корпуса Воспитателей — ровная шеренга, сосредоточенные лица, автоматические движения. Программа утреннего развода не менялась годами. Все они выглядели одинаково: гладко убранные под белые чепчики волосы, скрытые масками лица, одинаковый ритм дыхания. Копии друг друга, созданные для одной цели.

— Внимание, четвертый блок, — из динамика над дверью раздался сухой голос старшего диспетчера. — Сегодня работаем в Блоке Б. Линии Строителей требуется пополнение. Особое внимание следует уделить отбору мальчиков — проверять вес и тонус мышц. Любой брак фиксировать в логах незамедлительно. Приступайте.

Дверь камеры отъехала в сторону. Майя шагнула внутрь, зажмурившись под теплыми струями антисептического газа, который пах резкой медицинской щелочью, а затем вышла в сам зал инкубаторов.

Перед ней открылась бесконечная перспектива. Прозрачные пластиковые колыбели тянулись ровными рядами, уходя вверх до самой темноты потолка. Они были разделены узкими белыми дорожками, образуя безупречный геометрический лабиринт. Внутри каждой ячейки на ортопедическом матрасе спал ребенок. Все младенцы были туго свиты в одинаковые белоснежные конверты-пеленки, неподвижные и безмолвные. Над головами младенцев ровно мигали зеленые огоньки датчиков — Система подтверждала, что все они живы и здоровы.

Майя достала из настенного кармана планшет. На экране высветился график смены: Блок Б, первые двенадцать рядов. Сотни колыбелей. На каждую инструкция отводила полминуты: проверить датчик, скорректировать подачу смеси, при необходимости обновить пеленку, зафиксировать код. Двигаться нужно было быстро. Пальцы Майи порхали над сенсорами, а сама она перемещалась от ячейки к ячейке короткими, выверенными шагами.

Она пошла вдоль ряда, мягко ступая по гладкому полу. Майя любила эту монотонность. В Городе, где за стенами царила вечная темнота Пустоши, этот зал казался самым безопасным местом во Вселенной. Чистая, упорядоченная жизнь. Здесь не было места хаосу внешней среды. Система заботилась о детях, и Майя гордилась тем, что именно ее руки первыми касаются будущего Колонии, калибруя и сортируя новые жизни для бесперебойной работы огромного мегаполиса.

— Сестра Майя, вы выбились из графика, — раздался сзади сухой, безжизненный голос.

Майя обернулась. Перед ней стояла Лидия. Старшая нянька сектора прослужила в Корпусе больше тридцати лет, и её лицо давно утратило живое выражение — ни одной лишней эмоции, ни одной морщинки от улыбки. Белоснежная форма сидела на ней как влитая, скрывая любые очертания фигуры и превращая старшую воспитательницу в монументальный памятник Уставу.

— Извините, сестра Лидия, — Майя скользнула взглядом по экрану планшета, стараясь, чтобы её голос звучал ровно. — В сто четырнадцатой ячейке барахлил клапан питательной смеси. Я перепроверяла вручную.

— Клапаны проверяют ремонтные дроны, — отрезала Лидия, закладывая руки за спину. Её подбородок вздернулся вверх. — Ваша задача — фиксировать показатели и двигаться дальше. Излишняя суетливость снижает эффективность работы Корпуса. И вы это знаете. Индивидуальная забота — это скрытая форма хаоса. Система сама знает, сколько капель раствора нужно каждой ячейке.

— Да, сестра Лидия. Инструкция номер двенадцать.

— Вот и выполняйте её.

Лидия пристально посмотрела на неё холодными серыми глазами, в которых не было и капли человеческого тепла, развернулась и пошла к центральному посту. Её шаги были четкими, как удары метронома, а подошвы её обуви издавали характерный, едва слышный шорох, скользя по ровному полу.

Майя вздохнула и продолжила обход. Ряд за рядом, колыбель за колыбелью. К середине смены пальцы двигались уже на автомате, а мысли унеслись далеко — в двенадцатую вентиляционную галерею. К Кайлу. Их тайные встречи были единственной вольностью в этой стерильной жизни. Нарушением, за которое Высший Совет мог сослать её на нижние этажи, в швейные цеха. Там, в душных полутемных подвалах, женщины касты Обслуживания слепли за швейными станками, превращаясь в безмолвные придатки ткацких машин. Но без этих коротких встреч мир вокруг казался окончательно мертвым.

У седьмого ряда Блока Б Майя остановилась. Палец завис над планшетом, готовый внести стандартный код. Внутри инкубатора номер 412 было пусто.

Майя нахмурилась и проверила датчики. Светодиод над стеклянным колпаком упорно мигал зеленым. Экран планшета утверждал, что трехдневный мальчик на месте, его показатели в идеальной норме. Но матрас был пуст — белая ортопедическая подушка сохранила лишь легкую вмятину от крошечной головы.

Майя моргнула, решив, что у неё начались галлюцинации от монотонного труда. Она осторожно протянула руку в стерильной перчатке и коснулась прозрачного пластика. Колпак был холодным. Внутри ячейки было пусто, но датчик на панели продолжал упрямо транслировать данные о ровном пульсе и стабильной температуре, словно Система считывала не физическое тело ребенка, а невидимый, призрачный след, оставленный кем-то другим. В глубине пустой колыбели Майя уловила едва заметное движение воздуха — вентиляционное отверстие на дне ячейки было приоткрыто шире обычного, и оттуда, из темного технического зазора, потянуло странным, едва уловимым запахом. Запах был сладким, густым и напоминал перезрелый мед.

Майя сделала несколько шагов вперед. Четыреста пятнадцатая ячейка — пусто. Четыреста шестнадцатая — пусто. Прозрачные пластиковые крышки были аккуратно откинuty, фиксирующие ремни расстегнуты и уложены по бокам. Словно кто-то действовал без спешки, методично освобождая один кокон за другим. Младенцы исчезли, не оставив в системе ни следа.

Внутри у Майи всё сжалось от холодного страха. За двенадцать лет работы такого не случилось ни разу. Дети не могли просто испариться из охраняемого зала под прицелом десятков камер и тепловизоров. Если бы их забрали в реанимацию, статус колыбелей сменился бы на желтый. Но автоматика боксов продолжала мерно гудеть, прогоняя воздух через пустые матрасы, и упрямо докладывала, что всё в порядке. На экранах колыбелей по-прежнему бежали идеальные синусоиды пульса — фальшивый цифровой призрак, созданный, чтобы убаюкать бдительность Системы.

Майя бросилась обратно к центральному посту. Сердце отбивало удары в ушах так сильно, что заглушало гул вентиляции. Ноги в легких госпитальных туфлях скользили по белому полу, который теперь казался бесконечным, пугающе чужим лабиринтом.

Лидия сидела в глубоком кресле перед мониторами слежения. Её спина, всегда прямая, как струна, сейчас неестественно обмякла. Голова старшей няньки была запрокинута, а руки безвольно свисали с подлокотников.

— Сестра Лидия? — Майя подбежала ближе, испугавшись, что у той случился инсульт, и потянулась к запястью, чтобы нащупать пульс.

Но то, что она увидела, заставило её отпрянуть. Лидия не умирала. Она улыбалась — жутко, неестественно широко, обнажая зубы. Глаза были полуприкрыты, подернуты белесой дымкой, а зрачки расширились настолько, что серых радужек почти не осталось. В этих бездонных колодцах не было мысли, только бескрайнее блаженство. Лидия дышала глубоко и часто. С каждым вдохом её грудная клетка под туго натянутой тканью формы вздымалась с металлическим шорохом, а от пульта управления волнами расходился приторный, сладковатый аромат перезрелых фруктов и дикого меда, чуждый стерильному миру Яслей. Этот запах висел в воздухе плотным, невидимым облаком. Он оседал на губах Майи липким сиропом, и на мгновение её собственная голова закружилась, а перед глазами поплыли теплые золотистые круги. Ей безумно, до дрожи захотелось опустить руки, сесть рядом на пол и закрыть глаза.

— Сестра Лидия, очнитесь! — Майя с трудом преодолела дурманящую слабость и с силой затрясла её за плечо. Ткань комбинезона Лидии была влажной от пота. — В седьмом ряду пропали дети! Система выдает фальшивые логи! Где младенцы из четыреста двенадцатого бокса?

Старшая нянька медленно, словно вязнув в воздухе, повернула голову. Её взгляд блуждал где-то сквозь Майю, цепляясь за голую стену.

— Всё хорошо — затынула Лидия. Её обычно резкий сухой голос сейчас казался мягким, точно разбавленный сироп. В нем пропали все командные нотки, уступив место сонной, гипнотической монотонности. — Им так хорошо, Майя И нам будет хорошо. Не шуми. Зачем ты шумишь? Скоро всё закончится. Мы просто уснем. Почувствуй это

Лидия медленно подняла бледную руку без перчатки. Между её пальцами тянулась тонкая, едва заметная нить густого золотистого нектара. Капли этого вещества поблескивали прямо на клавиатуре главного пульта управления.

Лидия сделала судорожный вдох, блаженно зажмурилась и окончательно перестала реагировать на внешние раздражители. Её лицо разгладилось, стерев тридцать лет усталости и жесткого контроля, превратившись в пустую, улыбающуюся маску.

Майя отступила на шаг назад. Её собственное дыхание сбилось. На металлической кромке пульта, прямо возле клавиатуры, она заметила густую золотистую каплю цвета янтаря. Вещество медленно переливалось под лампами, словно живое, пульсируя изнутри мягким, фосфоресцирующим светом. Тягучий, удушливо-сладкий аромат заполнил все помещение, легко пробивая плотный фильтр рабочей маски. Голова Майи мгновенно затяжелела, а мысли поплыли, превращаясь в мягкий теплый туман. Страх, который только что сдавливал грудную клетку железным обручем, внезапно начал таять, сменяясь удивительным, незнакомым прежде чувством абсолютного, всепоглощающего покоя.

Словно под гипнозом, Майя стянула с руки перчатку. Пальцы плохо слушались, казались чужими и тяжелыми, точно налитыми свинцом. Она осторожно коснулась капли кончиком указательного пальца и поднесла его к губам. Вязкое вещество отозвалось на коже обжигающим жаром.

Звуки вентиляции резко смолкли, а очертания зала Яслей подернулись золотым сиянием. В ту же секунду мир вокруг нее перестал существовать. Её словно швырнуло в бесконечный океан теплого золотого света. Больше не было ни душного бункера, ни пустых инкубаторов, ни давящего бетонного потолка. Не было самой Майи. Она растворилась, превратившись в крошечную, но бесконечно важную часть огромного, идеального и счастливого целого. Тысячи голосов в её голове пели в унисон, транслируя одну-единственную мысль: «Все

хорошо. Мы дома. Борьба окончена». Это было блаженство такого масштаба, ради которого хотелось содрать с себя кожу, сорвать мешающие дышать фильтры маски и просто раствориться в этой медовой патоке.

Но экстаз длился всего несколько секунд. Внезапно глубоко в подкорке её мозга, там, где скрывался тот самый «дефект», из-за которого биохимические датчики Системы когда-то едва не списали её в брак, вспыхнула резкая, ослепительная боль. Словно раскаленная игла вонзилась в затылок. Золотой океан в мгновение ока покрылся багровыми трещинами, обнажая гнилую, пугающую изнанку дурмана.

Майя судорожно согнулась пополам, хватаясь за голову. Из горла вырвался хриплый, удушливый кашель. Она зажмурилась, со слезами на глазах вытирая палец о штанину комбинезона, словно на него попала смертоносная кислота.

Когда она открыла глаза, золотой туман рассеялся. Перед ней снова была стерильная, холодная комната управления, безмолвные мониторы и улыбающееся, пугающе неподвижное лицо Лидии.

Глава 3

Запретный запах

Вентиляционная галерея номер двенадцать располагалась на стыке Сектора Переходов и внешнего оборонительного кольца — техническая «мертвая зона», куда не заглядывали объективы камер Высшего Совета. Сюда спускались только старые ремонтные дроны, собиравшие пыль в распределительных коллекторах. Эти массивные круглые проходы, глубоко уходящие в скалу, напоминали заброшенные артерии гигантского сердца. Воздух здесь был ледяным, сырым и вибрировал от низкого гула гигантских турбин очистительной станции, работавших где-то глубоко внизу. Пахло ржавым железом, мокрым бетоном и машинным маслом.

Майя сидела на перевернутом пластиковом ящике, поджав ноги, чтобы уберечься от сквозняка из вентиляционного раструба. Её била сильная дрожь. С тех пор как она сбежала из Яслей, прошло несколько часов, но перед глазами всё еще стояло улыбающееся, блаженное лицо Лидии, а во рту остался мерзкий, приторно-сладкий привкус золотистой жижи.

Майя до боли потеряла губы рукавом комбинезона. Тот короткий миг, когда сознание взорвалось волной искусственного экстаза, пугал её больше, чем перспектива оказаться на утилизации. Ни одна инструкция Системы не описывала ничего подобного. Это был не просто запрещенный стимулятор, а оружие, которое выжигало человека изнутри, оставляя лишь пустую оболочку. Оболочку, готовую покорно выполнять чьи-то чужие, невидимые приказы.

Тяжелая гермодверь в конце галереи со скрежетом приоткрылась. В узкую щель протиснулся высокий силуэт в черной композитной броне. Майя вздрогнула и инстинктивно вжалась к толстой паровой трубе. Металл обжег спину сквозь ткань комбинезона, заставив её затаить дыхание. Но когда тусклый свет аварийной лампы выхватил бледное лицо Кайла, она шумно выдохнула и бросилась к нему.

— Кайл — она уткнулась лбом в его жесткий, пахнущий оружейной смазкой наплечник. Материал его брони был холодным, покрытым мелкой водяной изморосью с внешнего кордона.

Страж крепко прижал её к себе. Оружие он держал наготове, настороженно вглядываясь в темноту коридора. Убедившись, что хвоста нет, Кайл аккуратно задвинул засов шлюза. Тяжелый стальной штифт встал в паз с глухим щелчком, отрезая их от внешнего мира.

— Тихо, Майя, тихо. Я здесь, — быстро зашептал он, увлекая её вглубь галереи, за массивный корпус воздушного фильтра, где гул турбин полностью глушил голоса. — Что случилось? На тебе лица нет. Твое сообщение дрон передал его с задержкой, я еле дождался конца смены. Я думал, тебя перехватили патрули Внутреннего Кольца.

Майя подняла на него глаза. В полумраке Кайл казался непривычно суровым, но в глазах читалась неподдельная тревога. Он осторожно прислонил винтовку к стене, снял тактические перчатки и сжал её ладони. Его руки были теплыми и шершавыми от оружейных мозолей.

Для Майи это прикосновение стало спасением. В мире, где Высший Совет регламентировал любые контакты между Секторами, их встречи были безумием. Система требовала, чтобы особи разных каст взаимодействовали только через рабочие интерфейсы, не допуская лишних привязанностей. Но только здесь, чувствуя физическое тепло и вдыхая запах его мыла и озона, она понимала, что еще жива. Это возвращало её в реальность, стирая липкий морок, пережитый в Яслях. Живое человеческое тепло уничтожало ту искусственную, мертвую сладость, которая едва не поглотила её разум.

— В моем блоке пропадают дети, Кайл, — Майя заговорила быстро, глотая слова и судорожно оглядываясь на запертую дверь шлюза. — Сегодня исчезли трое младенцев. Логи в системе подделаны. Приборы показывают, что они на месте, датчики мигают зеленым, но матрасы пустые!

Кайл нахмурился, его пальцы заметно сжались на цевье автомата.

— Как пустые? При любом переводе автоматика делает отметку в базе. Я сам проверяю сводки Сектора Защиты каждое утро. Никаких ЧП по Яслям не было. Если бы кто-то открыл инкубатор без авторизации, на центральном пульте Внутреннего Кольца уже ревела бы тревога.

— В том-то и дело! — Майя прижала руку к груди. — Система молчит, потому что руководство в курсе. Я пошла к сестре Лидии на центральный пост. Она сидела в кресле и даже не посмотрела на имя. Она улыбалась, Кайл. Блаженно, как идиотка. Глаза мутные, зрачки огромные. И от неё пахло боже, этот запах. На пульте была капля золотистого сиропа. Я коснулась её. Всего один раз.

Майя замолчала, судорожно переведя дух. Холодный воздух двенадцатой галереи обжигал легкие, но она всё ещё чувствовала, как под кожей пульсирует фантомный остаток того жуткого тепла. Кайл внимательно смотрел на неё, боясь прервать. Его лицо в тусклом свете аварийной лампы казалось высеченным из того же серого бетона, что и стены вокруг.

— Мой мозг будто отключился, — тихо призналась она, и в её голосе послышался стыд. — На секунду мне стало так хорошо, Кайл. Показалось, что все проблемы исчезли, что Город — идеальное место, и больше не нужно ни о чем думать. Захотелось просто упасть прямо там и остаться навсегда. Я едва пришла в себя. Наши медицинские препараты так не работают. Это что-то чужое. Это не лечение, Кайл. Это ампутация воли.

Кайл молчал, переваривая услышанное. Взгляд его стал колючим. Инструкции Сектора Защиты предписывали немедленно докладывать о любых странностях в поведении сослуживцев, но сейчас Устав казался Кайлу бессмысленным набором букв.

— От неё пахло медом? Перезрелыми фруктами? — спросил он глухо.

Майя удивленно вскинула голову: — Да! Откуда ты знаешь? Сладкий, приторный запах. От него сразу кружится голова.

Кайл грязно выругался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.